

millennium

НАСТОЯЩИЙ БЛИЦКРИГ НА МИРОВОМ КНИЖНОМ РЫНКЕ!

millennium

СТИГ ЛАРССОН

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ
ВЗРЫВАЛА ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)
Л 25

Stieg Larsson
LUFTSLOTTET SOM SPRÄNGDES
(THE MILLENNIUM SERIES BOOK 3)

© Stieg Larsson 2007

The Work is first published by Norstedts, Sweden, in 2007
and the text published by arrangement with Norstedts Agence

Ларссон С.

Л 25 Девушка, которая взрывала воздушные замки /
Стиг Ларссон ; [пер. с швед. А. В. Савицкой]. — М. :
Эксмо, 2015. — 736 с. — (Millennium).

ISBN 978-5-699-62589-5

Лисбет Саландер решает отомстить своим врагам. Не только криминальным элементам, желающим ей смерти, но и правительству, которое несколько лет назад почти разрушило ее жизнь. А еще надо вырваться из больницы, где ее держат под охраной, считая опасной психопаткой, и добиться, чтобы ее имя исчезло из списка подозреваемых в убийстве.

Поэтому ей не обойтись без помощи журналиста Микаэля Блумквиста. Только его разоблачительная статья может встряхнуть шведское общество до самых основ и переполошить правительство и спецслужбы. Тогда у Лисбет будет шанс расстаться с прошлым и добиться справедливости.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)

© Савицкая А. В., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-62589-5

ЧАСТЬ 1

ИНТЕРМЕЦЦО В КОРИДОРЕ

8-12 АПРЕЛЯ

В американской Гражданской войне принимало участие около шестисот женщин. Они завербовались в армию, переоделись в мужскую одежду. Голливуд явно упустил некий фрагмент истории — или, может быть, эта тема слишком неприятна в идеологическом плане? Женщины, пренебрегающие границами половых различий, всегда с трудом завоевывали себе место в исторических трудах, но нигде граница эта не видна столь отчетливо, как в вопросе военных действий и применения оружия.

Однако история от античности до наших дней содержит многочисленные упоминания об амазонках — женщинах-воительницах. В тех случаях, когда воительницы являются королевами, то есть представительницами правящего класса, эти примеры всем известны. Дело в том, что политика престолонаследования, каким бы неприятным это ни казалось, регулярно возводит на престол ту или иную женщину. Поскольку ход истории не проявляет снисходительности к полу и войны случаются даже тогда, когда правителем страны оказывается женщина, королевам-воительницам приходится выступать в той же роли, что и Черчилль, Сталин, Рузвельт и им подобные, а исторические книги оказываются вынуждены отвести им место на своих страницах. Семирамида из Ниневии, создавшая ассирийское государство, и Боадичея (Боудикка), возглавившая одно из самых кровавых восстаний коренных британцев против римлян, — это лишь два примера. Последней, кстати, установлен памятник возле моста через Темзу, напротив Биг-Бена. Навестите ее, если окажетесь поблизости.

В то же время женщин, которые сражались как простые солдаты, брали в руки оружие и служили наравне с мужчинами, исторические книги обычно обходят молчанием. Тем не менее таковые всегда существовали. И теперь еще едва ли хоть одна война обходится без участия женщин.

ГЛАВА 1

Пятница, 8 апреля

Когда сестра Ханна Никандер разбудила доктора Андерса Юнассона, на часах было около половины второго ночи.

— Что случилось? — растерянно спросил он.

— К нам летит вертолет. Двое пациентов. Пожилой мужчина и молодая женщина. У нее огнестрельные ранения.

— Ясно, — устало сказал Андерс Юнассон.

Он чувствовал себя совсем сонным, так как вздремнул всего каких-нибудь полчаса. В эту ночь ему выпало дежурить в отделении неотложной помощи Сальгренской больницы Гётеборга. Вечер выдался на редкость тяжелым. После того как он в 18.00 заступил на дежурство, больница приняла четверых, пострадавших при лобовом столкновении автомобилей возле городка Линдуме. Один из них находился в критическом состоянии, а у другого констатировали смерть почти сразу после поступления. Еще Андерс Юнассон оказал помощь официантке, ошпарившей ногу на кухне какого-то ресторана с Авеню, а также спас жизнь четырехлетнему мальчугану, который проглотил колесо от игрушечного автомобиля и был доставлен в больницу без признаков дыхания. Далее он успел перебинтовать девочку, угодившую на велосипеде в яму. Дорожные службы не нашли ничего лучшего, как вырыть яму на съезде с велосипедной дорожки, а кто-то вдобавок сбросил в яму ограждение. На лицо девочке наложили шов из четырнадцати стежков, и ей потребуются два новых передних зуба. Еще Юнассон пришел кусочек большого пальца столяру-любителю, который тот отсек себе рубанком.

К одиннадцати часам количество нуждающихся в неотложной помощи уменьшилось. Доктор совершил обход и проверил состояние пациентов, доставленных раньше и уже успевших отправиться в комнату отдыха, чтобы попытаться немного прийти в себя. Дежурство продолжалось до 6.00, и Андерсу Юнассону редко удавалось заснуть, даже если никого не доставляли на «Скорой», но в эту ночь он почти мгновенно отключился.

Сестра Ханна Никандер подала ему кружку чая. Никаких подробностей о прибывающих пациентах она узнать пока не успела.

Андерс Юнассон покосился в окно и увидел в стороне моря мощные вспышки молний. Вертолет явно успел вылететь в последнюю минуту. Внезапно начался сильный дождь — на Гётеборг обрушилась непогода.

Стоя у окна, он услышал шум мотора и увидел, что к посадочной площадке приближается раскачиваемый шквалистым ветром вертолет. Затаив дыхание, Андерс Юнассон напряженно следил за тем, как летчик с трудом сохраняет контроль над машиной. Затем вертолет пропал из его поля зрения, и он услышал, что мотор сбавил обороты. Сделав глоток чая, доктор отставил кружку.

Носилки Андерс Юнассон встретил у входа в отделение неотложной помощи. Другой дежурный врач, Катарина Хольм, занялась тем пациентом, которого ввезли первым, — пожилым мужчиной с сильно изувеченным лицом. Доктору Юнассону досталась вторая пострадавшая — женщина с огнестрельными ранениями. Он быстро осмотрел ее, воспользовавшись окуляром, и констатировал, что перед ним девушка, на вид не более двадцати лет, сильно перепачканная землей и кровью, с тяжелыми повреждениями. Приподняв плед, в который ее закутала Служба спасения, он заметил, что раны на бедре и плече кто-то заклеил широким серебристым скотчем, и счел это на редкость здоровой мыслью: скотч удерживал бактерии снаружи, а кровь внутри. Пуля вошла с внешней стороны бедра и прошла мышечную ткань насквозь. Затем он приподнял плечо девушки и определил место входа второй

пули — в спине. Выходное отверстие отсутствовало, следовательно, пуля застряла где-то в плече. Андерс Юнассон понадеялся, что легкое не задето, и поскольку крови в полости рта он не обнаружил, то сделал вывод, что, вероятно, обошлось.

— Рентген, — сказал он ассистирующей медсестре. Более подробных объяснений не требовалось.

Под конец Андерс Юнассон разрезал повязку на голове девушки, наложенную персоналом Службы спасения. Нащупав пальцами входное отверстие и поняв, что девушка ранена в голову, он похолодел. Выходное отверстие здесь тоже отсутствовало.

Андерс Юнассон на секунду остановился и посмотрел на девушку. Ему вдруг стало не по себе. Он часто сравнивал себя с вратарем, стоявшим между пациентом и похоронным бюро «Фонус». На его рабочем месте ежедневно появлялись люди в разном состоянии, но с одной и той же целью — получить помощь. Среди них встречались семидесятичетырехлетние тетеньки, у которых останавливалось сердце прямо посреди крупнейшего торгового центра «Нурдстан», четырнадцатилетние мальчики, протыкавшие себе левое легкое отверткой, и шестнадцатилетние девушки, наевшиеся таблеток экстази, а затем танцевавшие по восемнадцать часов и падавшие замертво с посиневшими лицами. Встречались жертвы производственных травм и разного рода насилия. Попадались малыши, атакованные бойцовскими собаками на площади Васаплатсен, и рукастые мужчины, собиравшиеся лишь подпилить несколько досок электропилой «блэки-декер» и случайно разрезавшие себе запястье до мозговой трубчатой кости.

Андерс Юнассон составлял их последний рубеж обороны. Именно ему приходилось решать, как действовать, — прими он ошибочное решение, и пациент мог умереть или остаться на всю жизнь инвалидом. Чаще всего он действовал правильно, поскольку проблемы подавляющего большинства пациентов носили совершенно конкретный характер и требовали принятия понятных и конкретных мер; скажем, удар ножом в легкое или раздробление костей в результате автомобильной аварии. Выживет пациент или нет — это зависело от степени тяжести травмы и от умения врача.

Два типа травм Андерс Юнассон ненавидел. Первым были серьезные ожоги, которые почти независимо от принятых мер приводили к пожизненным страданиям. Вторым типом являлись черепно-мозговые травмы.

Лежавшая перед ним девушка могла жить с пулями в бедре и в плече. Но кусочек свинца, засевший у нее в мозгу, представлял собой проблему совершенно иного масштаба. Вдруг он услышал, что сестра Ханна что-то говорит.

— Простите?

— Это она.

— Что вы имеете в виду?

— Лисбет Саландер. Девушка, которую уже несколько недель разыскивают за тройное убийство в Стокгольме.

Андерс Юнассон посмотрел на лицо пациентки. Сестра Ханна была права: копию паспортной фотографии этой девушки он, как и все прочие шведы, начиная с Пасхи, регулярно видел на первых страницах газет перед любым табачным киоском. И вот теперь убийцу подстрелили саму, что, пожалуй, по большому счету было справедливо.

Однако его это не касалось. Его работа заключалась в спасении жизни пациента, будь он убийцей трех человек или нобелевским лауреатом. Или даже тем и другим сразу.

Далее началась типичная для отделения неотложной помощи хаотичная, но эффективная деятельность. Дежурный персонал привычно взялся за дело. Оставшуюся одежду Лисбет Саландер разрезали, сестра измерила кровяное давление — 100/70, а он сам тем временем приставил к груди пациентки стетоскоп и стал слушать удары сердца. Они казались относительно регулярными, в отличие от дыхания, бывшего далеко не столь регулярным.

Не колеблясь, доктор Юнассон сразу определил состояние Лисбет Саландер как критическое. Раны на плече и бедре могли пока подождать — достаточно двух компрессов или даже тех кусков скотча, которые накрепко приклеила какая-то вдохновенная душа. Главное — голова. Доктор Юнассон распорядился сделать компьютерную томографию — с помощью

того самого томографа, в который больница вложила деньги налогоплательщиков.

Андерс Юнассон был голубоглазым блондином, родом из Умео. На разных должностях он проработал в Сальгренской и Восточной больницах двадцать лет — был научным сотрудником, патологом и врачом отделения неотложной помощи. У него была некая особенность, поражавшая коллег и заставлявшая персонал гордиться работой под его началом: он ставил перед собой задачу не дать умереть ни одному из пациентов его смены, и каким-то таинственным образом ему действительно удавалось держаться на нуле. Кое-кто из его пациентов, правда, все-таки умирал, но происходило это уже в ходе дальнейшего лечения или по причинам, никак не зависящим от действий врача.

К тому же Юнассон обладал неортодоксальным взглядом на врачебное искусство. Он полагал, что иногда врачи склонны чересчур поспешно сдаваться, не разобравшись как следует, либо тратят излишне много времени на точную постановку диагноза пациенту. Разумеется, без этого невозможно назначить правильное лечение, однако проблема заключается в том, что, пока врач будет думать, пациент может умереть. А в худшем случае врач придет к выводу, что ситуация безнадежна, и прекратит лечение.

Между тем пациента с пулей в голове Андерс Юнассон получил впервые в своей практике. Здесь, вероятно, требовался нейрохирург. Этой области он не знал, но вдруг сообразил, что, возможно, ему повезло куда больше, чем он того заслуживал. Перед тем как помыться и надеть одежду для операции, он позвонил Ханну Никандер.

— Есть один американский профессор по имени Фрэнк Эллис, который работает в Каролинской больнице Стокгольма, но в данный момент находится в Гётеборге. Он известный специалист по проблемам в области мозга и к тому же мой хороший друг. Он живет в отеле «Рэдиссон» на Авеню. Будьте добры, узнайте его номер телефона.

Пока Андерс Юнассон ждал рентгеновских снимков, Ханна Никандер уже вернулась с номером отеля «Рэдиссон». Ан-

дерс Юнассон бросил взгляд на часы — 01.42 — и поднял трубку. Ночной портье в «Рэдиссон» упорно отказывался соединять его в такое время суток с кем бы то ни было, и, чтобы добиться своего, доктору Юнассону пришлось в достаточно резких выражениях описать ситуацию как экстренную.

— Доброе утро, Фрэнк, — сказал Андерс Юнассон, когда трубку наконец сняли. — Это Андерс. Я узнал, что ты в Гётеборге. У тебя нет желания приехать в Сальгрэнскую больницу и поассистировать в операции на мозге?

— Are you bullshitting me?¹ — донеслось с другого конца провода.

В голосе слышалось сомнение. Несмотря на то что Фрэнк Эллис прожил в Швеции много лет и свободно говорил по-шведски, хоть и с американским акцентом, предпочитал он все же английский. Андерс Юнассон говорил по-шведски, а Эллис отвечал по-английски.

— Фрэнк, мне жаль, что я пропустил твою лекцию, но я подумал, что ты сможешь дать мне урок в частном порядке. У меня тут женщина с ранением в голову. Входное отверстие прямо над левым ухом. Я бы не позвонил тебе, если бы не нуждался в second opinion². И мне трудно представить себе лучшего советчика.

— Ты это всерьез? — спросил Фрэнк Эллис.

— Пациентка — девушка двадцати пяти лет.

— И ей прострелили голову?

— Входное отверстие есть, а выходного нет.

— Но она жива?

— Слабый, но регулярный пульс, дыхание менее регулярное, давление сто на семьдесят. У нее, кроме того, пуля в плече и огнестрельное ранение бедра. С этими двумя проблемами я могу справиться.

— Это звучит многообещающе, — сказал профессор Эллис.

— Многообещающе?

— Если у человека отверстие от пули в голове и он попрежнему жив, то ситуацию надо считать обнадеживающей.

— Ты можешь мне поассистировать?

¹ Ты надо мной гнусно издеваешься? (англ.) (Здесь и далее прим. перев.)

² Мнения другого врача (англ.).

— Я должен признаться, что провел вечер в компании добрых друзей. До кровати я добрался в час ночи, и у меня в крови, вероятно, впечатляющее содержание алкоголя...

— Принимать решения и производить вмешательство буду я. Но мне нужен ассистент, который сможет заметить, если я начну делать какую-нибудь глупость. И, честно говоря, когда речь идет об оценке повреждений мозга, даже в стельку пьяный профессор Эллис, вероятно, даст мне много очков вперед.

— О'кей. Я приеду. Но ты будешь моим должником.

— Такси ждет перед гостиницей.

Профессор Фрэнк Эллис поднял очки на лоб, почесал в затылке и постарался сосредоточиться на экране компьютера, показывавшем каждый уголок и закоулок мозга Лисбет Саландер. Пятидесятитрехлетний, с иссиня-черными, чуть тронутыми сединой волосами и темной щетиной, с фигурой, которая свидетельствовала о регулярном посещении гимнастического зала, Эллис походил на второстепенного персонажа из Городской службы скорой помощи.

В Швеции Фрэнку Эллису нравилось. Приехав сюда молодым ученым по обмену в конце 1970-х годов, он задержался на два года. Потом регулярно снова приезжал до тех пор, пока ему не предложили должность профессора в Каролинской больнице. К тому времени он уже обладал именем с международной известностью.

Андерс Юнассон знал Фрэнка Эллиса четырнадцать лет. Впервые они встретились на семинаре в Стокгольме, где обнаружили, что оба являются заядлыми любителями ловли рыбы на мушку. Андерс пригласил американца на рыбалку в Норвегию. На протяжении всех этих лет они поддерживали контакт и неоднократно совместно выезжали на природу, однако работать вместе им не приходилось.

— Мозг — это таинство, — произнес профессор Эллис. — Я посвятил его изучению двадцать лет. Вообще-то даже больше.

— Я знаю. Прости, что я тебя вытащил, но...

— Ничего. — Фрэнк Эллис махнул рукой. — С тебя бутылка «Гранманье», когда мы в следующий раз поедем на рыбалку.

— О'кей. Это недорого.

— Несколько лет назад, когда я работал в Бостоне, у меня была одна пациентка — я описал этот случай в «Нью Инглэнд джорнал оф медсин», — девушка, такого же возраста, как твоя. Она направлялась в университет, когда кто-то выстрелил в нее из арбалета. Стрела попала в конец брови с левой стороны, пронзила голову и вышла почти посередине затылка.

— И девушка выжила? — спросил пораженный Юнассон.

— Когда ее доставили в больницу, вид у нее был жуткий. Мы подрезали стрелу и сунули голову девушки в томограф. Стрела прошла прямо сквозь мозг. По логике вещей девушка должна была бы умереть или, по крайней мере, пребывать в коме.

— Каково же было ее состояние?

— Она все время находилась в сознании и, более того, сохраняла полную ясность ума, хотя, разумеется, была страшно напугана. Единственная проблема заключалась в том, что у нее в голове сидела стрела.

— Что ты предпринял?

— Ну, я взял щипцы, выдернул стрелу и заклеил рану пластырем. Примерно так.

— Девушка выжила?

— До момента выписки ее состояние считалось критическим, но, честно говоря, ее можно было отправлять домой в первый же день. У меня никогда не было более здоровой пациентки.

Андерс Юнассон подумал, уж не разыгрывает ли его профессор Эллис.

— С другой стороны, — продолжал Эллис, — несколько лет назад, в Стокгольме, моим пациентом был сорокадвухлетний мужчина, который ударился головой об оконную раму, причем не очень сильно. Ему сразу стало настолько плохо, что «Скорая помощь» отвезла его в больницу. Я получил его в бессознательном состоянии. У него была маленькая шишка и совсем небольшое кровоизлияние. Однако он через девять дней умер в реанимации, так и не приходя в сознание. Я по сей день не знаю, что стало причиной смерти. В протоколе вскрытия мы написали «кровоизлияние в мозг в результате

несчастливого случая», но никого из нас этот вывод не удовлетворил. Кровоизлияние было столь незначительным и располагалось таким образом, что не должно было вообще ни на что повлиять. Тем не менее у него постепенно прекратили работать печень, почки, сердце и легкие. Чем старше я становлюсь, тем больше воспринимаю все это как своего рода рулетку. Лично мне кажется, что мы никогда не сумеем точно определить, как именно функционирует мозг. Что ты намерен делать?

Он постучал ручкой по изображению на экране компьютера.

— Я надеялся, что это мне объяснишь ты.

— Расскажи, как ты оцениваешь ситуацию.

— Ну, во-первых, похоже, что пуля мелкого калибра. Она попала в висок, прошла в мозг сантиметра на четыре и остановилась возле бокового желудочка, где имеется кровоизлияние.

— Меры?

— Пользуясь твоей терминологией — взять щипцы и вытащить пулю тем же путем.

— Отличное предложение. Но я бы, пожалуй, воспользовался самым тонким из имеющихся у тебя пинцетов.

— Так просто?

— А что нам остается делать? Мы можем оставить пулю на месте, и не исключено, что пациентка проживет до ста лет, но это тоже дело случая. У нее может развиться эпилепсия или мигрень и любая другая проблема. А было бы крайне нежелательно сверлить ей череп и проводить операцию через год, когда сама рана уже заживет. Пуля лежит чуть в стороне от крупных кровеносных сосудов. В этом случае я бы рекомендовал тебе ее вытащить, но...

— Но что?

— Пуля меня особенно не тревожит. Ранения мозга удивительны — если девушка выжила, получив пулю в голову, это говорит о том, что она переживет и ее удаление. Проблема сосредоточена скорее здесь. — Он показал участок на экране. — Вокруг входного отверстия имеется множество осколков костей. Я вижу по меньшей мере дюжину фрагментов длиной в несколько миллиметров. Некоторые из них вонзи-